

Творческий портрет

ДИАПАЗОН АКТЕРА

гвардия» — вот тот драматургический материал, на котором формировалось мировоззрение актера, человека, коммуниста.

В далеком Термезе в военном 1942 году девушка — назовем ее Натасей — получила письмо с фронта. Она гордилась своим любимым, и, видимо, не умея достаточно убедительно объяснить, какой он замечательный, вдруг нашла: — Ну, понимаете, он совсем-совсем такой, как Сергей Луконин. Разговор, о котором поведал корреспондент термезской газеты, происходил через несколько дней после спектакля «Парень из нашего города». Сергея играл Луденко. Как много может иногда рассказать старый, потертый на сгибах газетный лист!

А если повернуть колесо времени на 12 лет назад, мы попадем на спектакль Микитенко «Кадры» в Одесской держдраме. Молоденький красноармеец обращается с пламенной речью к студентам: — Товарищи! От имени! Бессмертной и непобедимой! Перекопской дивизии. От имени бойцов и командиров... — и вдруг оратор захлебнулся. От полноты счастья,

от избытка темперамента, от радостного ощущения себя актером. Потрясенный этим эмоциональным взрывом, понимая, что он присутствует при таинстве рождения актера, великий Шумский подошел к убитому горем дебютанту, обнял его и сказал, скрывая улыбку: — Ничего, ничего, босяк. Будешь актером!

Сколько лет прошло с тех пор, сколько ролей сыграно! И каждая роль — как дебют. И кажется, что ничего не умеешь, не помнишь, не знаешь, что начинаешь с чистого листа. А потом начинается труд. Неучтенный, ненормированный, каторжный и счастливый актерский труд, имя которому — Творчество. Собственно, он не начинается — он продолжается, потому что не прекращается никогда. Он будит актера ночью, заставляя вполтамах записывать только что пришедшее во сне решение. Он шагает рядом с ним по улице, словно огорожив невидимой стеной от всего мира — и тогда знакомые обникаются, что он не здоровается. И вот настает день, когда актер несет свой труд на суд людям. Это — всегда праздник. Путь его в театр в этот день много длиннее обычного: нужно собраться с

мыслями, отрешиться от всего суетного, еще раз переиграть роль про себя. И все равно, когда он, одетый и загримированный, ждет своего выхода на сцену, волнение тисками сжимает его сердце.

Одна из последних ролей А. Луденко — кулак-мироезд Гнат Гирия из спектакля «97». Гирия — не просто враг Советской власти — он оголтелый человеконенавистник, всеми поступками которого движет незуитская жажда богатства и власти над односельчанами. И вместе с этим это — живой человек, которому не чуждо даже нежное отцовское чувство. Вообще, у актера своеобразное отношение к своим отрицательным героям. Он считает, что негодяев, так сказать, «в чистом виде» не существует. И поэтому он пытается найти логическое, и как ни парадоксально, человеческое объяснение их поступкам. Он играет человека одержимого идеей, но оттого, что он умеет доказывать порочность этой идеи, образы, созданные им, становятся особенно убедительными в своей разоблачительной силе. Именно так он играет Гирию, так сыграл в свое время Франца Моора, именно в этом плане работал над образом Бессеменова из «Мещан».

Луденко — актер реалистической школы. Своими учителями он считает замечательного режиссера А. С. Василько, актеров Шумского, Ганкебуш. Поэтому его участие в спектакле по пьесе Брехта «Господин Пунтила и его слуга Матти» может показаться неожиданным. В самом деле: театр Брехта с его специфическими законами, с отрицанием сценического иллюзии, со знаменитым эффектом отчуждения, когда акте-

ры выходят из роли, как из платья, и, стоя рядом, скептически оценивают поступки своего героя — как совместить это с традициями, от которых актер не отступал всю свою жизнь? Что ж, возможно, принципы брехтовского театра в работе Луденко не соблюдены до конца. Актер не играет в игру — он всерьез вживается в двойственный образ своего героя — и в пьяного «добротого» Пунтилу, и в трезвого жесткого. А в результате возникает единый Пунтила — махровый эксплуататор, демагог и деспот.

У каждого актера есть в жизни Главная роль. У Луденко это роль Владимира Ильича Ленина. Актер не впервые встретился с образом своего великого героя. Еще раньше Луденко довелось сыграть Ленина в спектаклях «Юность отцов» и «Именем революции». И вот — «Кремлевские куранты» — жемчужина драматургической Ленинианы. Мы с волнением ждем встречи с вождем. И он входит, нет не входит — вбегает в избу Чудновых — легкий, стремительный и удивительно простой. Его «без промаха бьющий глаз» сразу углядел лапоты, торчащий на печи из-за занавески — и началась сцена с детьми. Это не было игрой в демократизм — Ильичу было интересно все, что касалось этих простых людей — их быта, их жизни, их забот.

Исчерпать характер вождя на протяжении двух с половиной часов сценического времени — практически невозможно. Луденко и не пытается это сделать. Он создает, прежде всего, образ великого мечтателя, сильного своей убежденностью и верой в могучую созидательную си-

лу народа. Изумительна ленинская улыбка — чуть-чуть лукавая улыбка человека, знающего секрет, о котором другие еще не догадываются. Но ни улыбка, ни мягкий ленинский смех не могут спрятать от зрителя непрестанную, напряженную работу мысли. А когда лицо вождя вдруг становится серьезным, когда тень забот ложится на высокий ленинский лоб — мы видим, как трудно ему в это тяжелое и героическое время. Актер великолепно передает ленинскую убежденность и умение заражать ею других. Например, Забелина. Инженер Забелин, человек старой формации, открыто признающий новую власть — «орешек» не из легких. Распропагандировать его нельзя, его можно только убедить, и сделать это было под силу только Ленину.

О своей любимой роли актер может рассказывать бесконечно. С тех пор, как спектакль увидел свет рампы, прошло уже два года, но поиск большей точности, большей выразительности, большей правды не останавливается ни на минуту. Известный исполнитель роли Ленина Борис Смирнов, принимавший участие в одесском спектакле, сказал своему украинскому коллеге: — Вы — Ленин! Только не делайте ничего «по-ленински». Тонкое и доброжелательное замечание! И Луденко без жалости убирает ставшие штампами приметы внешнего сходства — жестикуляцию, грассирование. Отказ актера от подчеркнутой внешней похожести компенсируется художественной достоверностью образа. И, все-таки, это один из самых «похожих» Лениных, которых мне довелось видеть.

Б. ЕЗЕРСКАЯ.

Хотя в обширной галерее образов, сыгранных Александром Устиновичем Луденко за 37 лет работы в Одесском театре им. Октябрьской революции, явно преобладают роли героического плана. Александр Устинович считает себя актером характерным. Но я бы сказала, что Луденко — актер вне амплуа. Потому что его актерский диапазон необычайно широк. Коварный Дон-Жуан — и обаятельный Сергей Луконин, злодей Франц Моор — и коммунист генерал Шувалов, мудрый Тевье-молочник — и ненавистный кулак Гирия, безвольный Луаш — и мужественный Олег Кошевой — вот репертуар актера.

Несмотря на такое разнообразие ролей, можно смело утверждать, что становление Луденко, как актера происходило именно на ролях советского репертуара. «Парень из нашего города», «Жди меня», «Легенда о матери», «Честь смолоду», «Молодая